

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-246-247

© И. Н. Сухих

«ПРОФЕССОР СКАЗОЧНЫХ НАУК» ИЗ ВОЛГОГРАДА*

Идея Н. К. Пиксанова о «культурных гнездах» (1913), превратившаяся благодаря В. Н. Топорову в «тексты» — от петербургского до пермского и венецианского, — оказалась вполне освоенной и продуктивной. Но практически не замечена их филологическая составляющая. Между тем в литературоведении советской эпохи существенное место занимала деятельность некоторых провинциальных / областных институтов / университетов, в которых кипела жизнь: научные конференции и тематические сборники, чтения приглашенных лекторов «из столиц», студенческие кружки. Как правило, подобное филологическое культурное гнездо возникало вокруг личности незаурядного ученого, со своими если не методом, то методикой и темой, списком заметных работ, учениками и поклонниками. Такими основоположниками, «культурными героями» были в Саратове — А. П. Скафтымов, в Смоленске — В. С. Баевский, в Ижевске — Б. О. Корман, в Уфе — Р. Г. Назиров, в зарубежном ныне Даугавпилсе — Л. М. Цилевич.

Рецензируемая книга посвящена волгоградскому гению места Давиду Наумовичу Медришу (1926–2011). Заглавие книги позаимствовано из кафедрального посвящения коллег:

Не можем мы сказать иначе:
Структурализма верный друг,
Поклонник Лотмана горячий,
Профессор сказочных наук!

Медриш принадлежал к поколению, студенческие и ранние преподавательские годы которого пришлось на перелом от позднего сталинизма к оттепели. Черновицкий университет он окончил в 1951 году, кандидатскую диссертацию (в МГПИ им. Ленина) «Б. Горбатов — прозаик. Вопросы стиля» защитил в 1963-м, вся его дальнейшая научная жизнь (1963–2007) была связана с Волгоградским государственным педуниверситетом (ВГПУ).

* Гольденберг А. Х., Путило О. О., Тропкина Н. Е. Профессор сказочных наук. Научная биография Д. Н. Медриша. М.: Флинта, 2021. 456 с.

Диссертация Медриша посвящена прозаике второстепенному, однако в 1950–1960-е годы входившему в советскую литературную номенклатуру. Таков был путь не одного Медриша. Похожими, «созвучными времени», были, к примеру, и первые диссертации З. Г. Минц («Пути развития советской дошкольной литературы (1917–1930 гг.)», 1956) или Б. Ф. Егорова («Н. А. Добролюбов и проблемы фольклористики», 1952).

Проблема выбора — что делать дальше? — встает перед молодым ученым среди преподавательской текучки. Позднее Медриш вспоминал: «...у меня выработался совершенно иной подход к Горбатову и писателям такого типа. <...> Мне так надоела подобная литература, что я, чтобы отвести душу, положил все тома Чехова и стал читать том за томом, том за томом, чтобы отбить оскомину от этой, как я теперь понимаю, псевдолитературы» (с. 345).

Чехов, а позднее Пушкин, стали главными персонажами научной деятельности Медриша. Объединяющей их почвой — фольклоризм. Эти три темы сошлись в главной работе Медриша «Литература и фольклорная традиция» (Саратов, 1980), ставшей основой его докторской диссертации (1983). Книга выдерживает переплетение и сегодня — через полвека.

Так что появление написанной учениками и коллегами Медриша его «научной биографии» вполне понятно и закономерно. Сходные жизнеописания филологических культурных героев уже появились и в Саратове, и в Смоленске.

Книга состоит из трех частей.

Собственно научной биографии отведена лишь треть издания (130 страниц). Приложение I «Материалы из научного наследия Д. Н. Медриша» занимает почти половину книги (около 200 страниц). Приложение II включает записанные дочерью устные воспоминания Медриша и несколько мемуарных очерков о нем. Завершает том библиография работ ученого.

В первое приложение включены очень разнородные материалы: студенческие методички, популярные статьи из «Энциклопедического словаря юного литературоведа» («Былины», «Повтор», «Фольклор» и др.) и основательная, итоговая «Фольклоризм» из энциклопедии «А. П. Чехов».

Самый интересный и важный материал этого раздела — публикуемые по студенческим записям А. Х. Гольденберга и Н. Е. Тропкиной конспекты прочитанного в ВГПИ в 1973 году спецкурса «Художественное пространство и время». Его материалы лишь отчасти отразились в упомянутой монографии «Литература и фольклорная традиция». В кратком курсе (всего девять лекций) автор успевает дать сжатый исторический обзор, заглянуть в смежные области психологии, живописи, кино, развернуть собственную концепцию и предложить конкретный анализ нескольких произведений.

Список рекомендуемой литературы здесь краток: Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. Я. Гуревич, Л. Ф. Жегин, Б. А. Успенский. Но в тексте лекций есть ссылки на польского художника и теоретика В. Штеминьского, польского режиссера Е. Гротовского, скандинависта М. И. Стеблина-Каменского, П. А. Флоренского, Е. М. Мелетинского, А. Н. Веселовского. Лишь последняя часть курса — сопоставление «Зодчих» Д. Кедрина и «Мастеров» А. Вознесенского — адекватно отразилась в упомянутой выше книге «Литература и фольклорная традиция».

С этим курсом связан парадокс (замеченный авторами научной биографии). М. М. Бахтин не упоминается в спецкурсе ни разу, не используется и понятие хронотоп, хотя о единстве пространства и времени говорится неоднократно. В книге «Литература и фольклорная традиция» фамилия Бахтина уже появляется, но в связи с другими проблемами.

Бахтинский бум, вероятно, возникает не в связи с новой публикацией «Проблем поэтики Достоевского» (1972), а несколькими годами позднее, после появления «Вопросов литературы и эстетики» (1975).

Записи, однако, воспроизводят лишь скелет, схему курса, а не его реальное содержание. Голос, прямую речь ученого заменяют студенческие тезисы.

Вот, к примеру, как выглядят «выводы» лекции о художественном времени: «Мы рассмотрели событийное художественное время, продолжительность, приуроченность его (но не говорили ни о темпе движения, ни о направлении). Сначала — общие свойства. Потом — цифровые показатели. Событийное время для одних жанров традиционно. Мифологическое творчество — закон цельности изображения (от рождения героя до его смерти — Гильгамеш)» (с. 166–167). И т. п.

Такова, кажется, особенность не только этих студенческих записей советской эпохи. Точное стенографическое воспроизведение профессорских лекций в послереволюционную эпоху было утрачено. (Или на лекциях Веселовского и Потебни сидели профессиональные стенографистки?) Впрочем, есть и приятные исключения. Лекции Н. Я. Берковского по зарубежной

литературе первой половины XIX века, выпущенные в «Азбуке-классике» (2002), печатались «по стенографическим записям», что специально отмечено публикаторами.

Мемуарные заметки Медриша, записанные дочерью, демонстрируют еще одну особенность советского литературоведения. Контакты между «столицами» и «провинцией» были все-таки менее тесными (хотя более важными), чем сегодня. Медриш лишь эпизодически встречался с ленинградскими (В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев) или московскими (Е. Н. Коншина) «интересными людьми». Его работа происходила совсем в ином хронотопе. Наиболее тесными были его связи с ленинградским поэтом Л. Друскиным. Но корни его другие: это знакомство, пожалуй даже дружба, связано с эвакуационными самаркандскими годами.

Книга «Профессор сказочных наук» подготовлена с пониманием и любовью, что не отменяет вопросов к содержанию и композиции.

Читать ее удобнее наоборот: от работ Медриша и воспоминаний о нем — к собственно «научной биографии». Биография логично строится как последовательное изложение идей и этапов научной деятельности ученого. Но если развернутое цитирование не включенных в книгу работ Медриша понятно, то аналогичные цитаты из работ, включенных в эту же книгу, представляются излишними. Между тем эпизод знакомства с В. Я. Проппом со ссылкой на первую публикацию в «Вопросах литературы» (с. 40–41) — больше страницы — мы еще раз читаем в приложении (с. 327–328). И такой дубль в книге не единственный.

Похоже обстоит дело и с библиографией. Список работ Медриша к «научной биографии» (с. 118–127) дублируется в заключающей книгу «Аннотированной библиографии работ Д. Н. Медриша» (с. 414–453). Вероятно, и эти десять страниц можно было использовать рациональнее.

Перечитывая книгу, вдруг обращаешь внимание на забавные детали. Вспоминая об учителе, ученики мимоходом рассказывают о себе. Оказывается, одна диссертантка в Америке «освоила графический дизайн, работала дизайнером-консультантом (фриланс)», вторая, вообще, «переключилась на африканистику» в республике Кот-д'Ивуар. Натолкнувшись на это, вспомнил один довлатовский анекдот о Михаиле Шемякине. Отец встречает только что выпущенного из сумасшедшего дома сына и гордо восклицает: «Где только мы, Шемякины, не побывали! И в бою, и в пиру, и в сумасшедшем доме!»

Где только мы, филологи, негодились... Предпринятая А. Х. Гольденбергом, О. О. Путило и Н. Е. Тропкиной работа намечает важную перспективу. Для будущей «Истории советского литературоведения» (появится же когда-то такая!) книга «Профессор сказочных наук» будет полезным подспорьем.